

УДК 811.1/2
ББК 81.411.2-211

Л.В. Табаченко

**РУССКОЕ ПРИСТАВОЧНОЕ
ВНУТРИГЛАГОЛЬНОЕ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
В СВЕТЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
ИСТОКОВ**

Приставки, как и предлоги, восходят к наречным реляционным элементам, которые стали превербами, а позднее и префиксами при высвобождении левой валентности глагола в праиндоевропейском языке. При семантическом сращении префикса с корнем происходит переход от семантической агглютинации к фузии, что привело к появлению у славянских приставок значений предельности и результативности. Это стало основой развития модификационных и мутационных словообразовательных типов, в частности в истории русского языка.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык, глагольные приставки, история русского языка.

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-4-161-167

Табаченко Людмила Владимировна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-951-513-15-87
E-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Тенденции развития внутриглагольного приставочного словообразования, одного из актуальных направлений диахронической дериватологии, могут быть исследованы только комплексно, в том числе и с учетом особенностей происхождения глагольных префиксов. Цель статьи – определить связь генезиса индоевропейских глагольных приставок с определенными направлениями развития внутриглагольной префиксальной деривации, в частности в истории русского языка.

Как указывали многие исследователи индоевропейских и славянских языков [Мейе, 1951, 2001; Вайан, 1952; Нёмес, 1954; Гамкрелидзе, Иванов, 1984; и др.], приставки, как и предлоги, восходят к неизменяемым словам, близким к наречным, – реляционным элементам, занимавшим автономную позицию и по отношению к глаголу, и по отношению к имени. Позиция и функции этих слов связываются исследователями с переходом от одной структуры праиндоевропейского синтаксического ядра к другой: от OV к VO (где V – глагол, O – объект), которая «индуцирует преимущественную префиксальность глагольной структуры» [Гамкрелидзе, Иванов, с. 355], так как при такой перестройке «высвобождается левая валентность глагольной структуры и возникает возможность присоединения к ней префиксальных элементов, которые и возникают из древних реляционных элементов при глаголе, а также из частиц и отдельных местоименных элементов» [Там же, с. 357].

© Табаченко Л.В., 2016.

Реляционные элементы находились между глаголом и объектом: сначала в конструкции типа -OpV-, затем – типа -VpO-. Об относительной самостоятельности приставок в древнегреческом, санскрите, готском и хеттском см. также [Мейе, 2001, с. 362; Соболевский, с. 382; Савченко, с. 337]. Реликтами древних адвербов можно считать и реляционные элементы (напр. *at, away, from*) современного английского языка, «являющиеся одновременно предлогами, соотносящимися с именем, и адвербами, соотносящимися с глагольной формой» [Гамкрелидзе, Иванов, с. 356]. По происхождению они являются застывшими формами имени, позднее «превратившимися в служебные грамматические реляционные элементы» [Гамкрелидзе, Иванов, с. 358]. О восхождении праиндоевропейских наречий к формам имени см. также [Мейе, 2001, с. 208, 355; Савченко, с. 338].

Таким образом, на базе реляционных наречных элементов, а также частиц и местоименных элементов сложились предлоги и приставки, которые уже в древних языках могли передавать также и грамматические значения: времени, предельности, вида, возвратности (в древнеиндийском, греческом, армянском, готском, литовском, ирландском, славянских языках [Гамкрелидзе, Иванов, с. 357–358]).

Так же, как глагол распространялся зависимыми формами имен, он распространялся («определялся» [Мейе, 2001, с. 362]) превербными, постепенно сливающимися с глагольной основой и превращающимися в приставки. Однако, по мнению исследователей, приставочные глаголы образовались уже в отдельных индоевропейских языках. Сращение приставки с глаголом не завершилось даже на почве балто-славянской общности, о чем свидетельствует постановка возвратного местоимения в балтийских языках между приставкой и глаголом [Мейе, 1951, с. 234].

Когда протоприставочные элементы присоединялись к основе глагола после освобождения ее левой валентности, по функциям они приближались к первой части сложного слова. На этом этапе приставка обычно выполняла роль пространственного маркера глагола подобно первому компоненту двукорневого сложения, «который, как правило, семантически подчинен второму, уточняет его значение как семантического ядра слова» [Цейтлин, с. 191]. Имела место своеобразная агглютинация, приклеивание без внутреннего семантического взаимодействия. Такие реликты были, например, в старославянском языке, когда в отдельных случаях «префиксальное слово и двукорневое сложение являются или синонимами, или даже дублетами (вариантами). Ср. слова *прѣдъзрѣти* и *прѣдизрѣти*, ...*прѣдъсѣдани* и *прѣждесѣдани*...» [Там же].

Близость приставочных глагольных образований к сложным словам обнаруживается и в древневерхненемецком языке. Например, префиксы *fur-* и *ar-* по происхождению связаны с наречиями *furi* и *fora* 'vor' и с предлогом *ur* 'aus' и первоначально были первой частью сложного слова, превратившейся позднее «в обобщенное по своему лексическому значению словообразовательное средство» [Зиндер, Строева, с. 33]. Имелся также ряд морфем, которые занимали промежуточное поло-

жение между первыми компонентами сложных глаголов и префиксами, так называемые полупрефиксы *ana-*, *duruch-*, *fora-*, *gagen-*, *hindar-*, *nidar-*, *ubar-* и т. п. Если в одних случаях они приближались к приставкам, то в других связь их с глаголом была нестойкой, и эти морфемы следует расценивать как наречия, определяющие глагол [Там же, с. 35–36]. В новонаемецкий период на базе этих компонентов формируются отделяемые приставки. В отличие от вышеприведенных английских элементов модель отделяемых префиксов немецких глаголов не является праиндоевропейским наследием, и их следует рассматривать не как полупрефиксы или первые компоненты сложных слов, а как префиксы второго слоя (более поздние) [Там же, с. 191–193], однако и в этом случае мы имеем дело с наречным происхождением приставок.

Будучи по происхождению знаком отношения адвербиального происхождения, глагольные префиксы чаще всего являлись локальными конкретизаторами, уточняя пространственную характеристику действия по отношению к ориентиру, выраженному зависимой формой имени существительного, причем она в этом случае была беспредложной, о чем свидетельствуют данные древних языков: древнегреческого, латинского, древнерусского и др. [Мейе, 2001, с. 349–350; Соболевский, с. 381; Нёмес, с. 3; Крысько]. Указание на тип локализации могла нести приставка глагола, а форма имени называла пространственный ориентир, по отношению к которому конкретизировалось местонахождение: *вокруг, перед, рядом, сверху, снизу*.

В ранний праславянский период локальными префиксами маркировались и стальные, и директивные глаголы, в отличие от современного русского языка, в котором пространственные приставки могут сочетаться только с глаголами направленного движения. Например, локальные префиксы сочетались с глаголами положения в пространстве относительно поверхности (позиционными), составляющими ядро стальной глагольной лексики. При этом в конструкциях с глаголами типа *обстояти* употреблялась форма винительного беспредложного падежа, при глаголах с приставками *при-*, *прѣд-*, *над-*, *под-* – как правило, дательного беспредложного (ср. также использование в древнерусском языке беспредложных форм имени существительного при глаголах движения: *отити города, дойти города, вшити городъ, прити городу*). Эти беспредложные формы имени существительного при приставочных глаголах были структурно и семантически несамостоятельны: формы *городъ, прѣстолю* в конструкциях *обстояти, обѣдѣти, облежати городъ; прѣдстояти, пристояти прѣстолю* вне сочетания с глаголами не несли информации о пространственном расположении (как и формы *города, городъ, городу* вне конструкций с глаголами движения не обозначали пространственный ориентир).

Со временем происходит определенное семантическое сращение префикса с корнем, переход от семантической агглютинации к фузии, что имело следствием, прежде всего, развитие у всех приставок значений предельности и результативности. У глаголов движения простран-

ственная предельность префикса могла сочетаться с директивными основами, а у позиционных глаголов стательность основы вступала в противоречие с пространственной предельностью приставки. Поэтому в истории русского языка в конструкциях с позиционными глаголами беспредложные формы вытесняются предложными, структурно и семантически более самостоятельными, при замене приставочных глаголов бесприставочными (*обстояти городъ – стоять вокруг города, пристояти прѣстолю – стоять у престола*), а в конструкциях с глаголами движения – при сохранении приставочного глагола (*дойти города – прийти до города, отйти города – отойти от города*) (подробней о тенденции вытеснения беспредложных форм в глагольных конструкциях см.: [Табаченко, 1994; 1995; 2010]).

Таким образом возрастает роль предлогов, поскольку именно они начинают нести семантику пространственного уточнения. В обоих случаях происходит определенный перенос пространственного маркирования с глагола на форму имени: если у глагола сохраняется пространственная приставка, наблюдается своеобразное дублирование пространственной семантики, при вытеснении приставочного глагола бесприставочным пространственная конкретизация содержится только в форме имени (подробней см.: [Табаченко, 2011]).

С появлением предложно-падежных форм и определенным переносом пространственности с глагола на форму имени приставки освобождаются от обязательной функции локального маркирования действия и получают возможность для развития других функций. Появившиеся значения предельности и результативности приставок, с одной стороны, стали одним из источников формирования категории вида, с другой – могли переноситься, во-первых, на ось времени и на количественно-оценочный характер протекания действия (формирование способов действия в рамках модификационного типа словообразования: *просидеть весь день, посидеть немного, досидеть до утра* и под.), во-вторых, на смежные ситуации полиситуативного комплекса (термин Н.Б. Лебедевой), обозначаемого глаголом (мутационные словообразовательные типы: *выиграть, проиграть, просидеть в казино крупную сумму* и под.). Как указывает Н.Б. Лебедева, одушевленность участников ситуации, особенно субъекта, – основной фактор увеличения полиситуативности глагола и его результативности. С развитием внутривглагольной префиксации усложняется денотативная база глаголов – полиситуативный комплекс (ситуатема), поскольку, освободившись от обязательной роли пространственного конкретизатора, «префиксы могут маркировать отдельные ситуации в семантической структуре производного глагола, пропозиционально насыщая ситуатему. При этом актуализируется семантическая самостоятельность морфем» [Лебедева, с. 59]. Приставки получили возможность обозначать новые ядерные ситуации как базу значения глагола (мутационный тип деривации), стали материальными носителями предиката, определяющего конфигурацию ситуации (под-

робней о мутационном типе деривации в истории русского языка см.: [Табаченко, 2005; 2010]).

Эта относительная самостоятельность морфем, реализующая определенный лингвистический парадокс, когда основным носителем значения деривата является аффикс (приставка), а не корень, который лишь «уточняет» приставку, показывая, каким образом реализуется основная ситуация, ею передаваемая (*пропить, прогулять, прокутить, проиграть*), является последним (на сегодняшний день) витком развития семантики и функций префиксов в связи с их генезисом и тенденциями развития: от самостоятельного реляционного элемента, занявшего позицию перед глаголом («протопрефикс») и на первом этапе выполнявшего роль пространственного маркера, подобно первой части сложного слова, через приставку в образовании синтетического типа, развившую семантику предельности и результативности, до носителя основного значения приставочного глагола и всего словообразовательного типа, морфемы, формирующей структуру всего предложения. Подчеркнем, что основное направление развития глагольных приставок в истории славянских, и русского в частности, языков было бы невозможно без появления также восходящего к праиндоевропейскому реляционному наречному элементу предлога, без усиления его роли в развитии свободных предложно-падежных форм.

Литература

- Вайан А.* Руководство по старославянскому языку: пер. с франц. М., 1952.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1. Тбилиси, 1984.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* Историческая морфология немецкого языка. Л., 1968.
- Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 1997.
- Лебедева Н.Б.* Полиситуативный анализ глагольной семантики: 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2001.
- Мейе А.* Общеславянский язык: пер. с франц. М., 1951.
- Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
- Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. М., 1948.
- Табаченко Л.В.* Динамика пространственной маркированности приставочных глаголов в истории русского языка // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2011. № 3.
- Табаченко Л.В.* К вопросу об изменениях в структуре простого предложения в русском языке XI–XVII вв. (на примере конструкций с глаголами типа *простояти*) // Филология (Краснодар). 1995. № 8. С. 35–38.
- Табаченко Л.В.* К истории формирования мутационных типов деривации // Язык как система и деятельность: материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д, 2005.
- Табаченко Л.В.* Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка. Ростов н/Д, 2010.

Табаченко Л.В. Структурно-семантическое развитие конструкций с глаголами движения в русском языке XI–XVII вв. (на материале конструкций с глаголами с приставкой *до-*) // Вопросы славяно-русского языкознания. Ростов н/Д, 1994.

Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

Němec I. O slovanské předponě *po-* slovesné // Slavia. R. XXIII. Seš. I. Praha, 1954.

References

Vaian A. Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku: per. s frants. M., 1952. 446 s.
Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach. Vs. Indoevropskii yazyk i indoevropceity. Ch. 1. Tbilisi, 1984. 428 s.

Zinder L.R., Stroeva T.V. Istoricheskaya morfologiya nemetskogo yazyka. L., 1968. 263 s.

Krys'ko V.B. Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka: ob'ekt i perekhodnost'. M., 1997. 424 s.

Lebedeva N.B. Polisituativnyi analiz glagol'noi semantiki. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2010. 192 s.

Meie A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropskikh yazykov. M., 2001. 512 s.

Meie A. Obshchoslavjanskii yazyk: per. s frants. M., 1951. 492 s.

Savchenko A.N. Sravnitel'naya grammatika indoevropskikh yazykov. M., 1974. 412 s.

Sobolevskii S.I. Drevnegrecheskii yazyk. M., 1948. 614 s.

Tabachenko L.V. Dinamika prostranstvennoi markirovannosti pristavochnykh glagolov v istorii russkogo yazyka // Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestvennye nauki. 2011. № 3. S. 109–111.

Tabachenko L.V. K voprosu ob izmeneniyakh v strukture prostogo predlozheniya v russkom yazyke XI–XVII vv. (na primere konstruksii s glagolami tipa *pristoyati*) // Filologiya (Krasnodar). № 8. 1995. S. 35–38.

Tabachenko L.V. K istorii formirovaniya mutatsionnykh tipov derivatsii // Yazyk kak sistema i deyatelnost': materialy Vseros. nauch. konf. Rostov n/D, 2005. S. 106–109.

Tabachenko L.V. Pristavochnye pozitsionnye glagoly v istorii russkogo yazyka. Rostov n/D, 2010. 336 s.

Tabachenko L.V. Strukturno-semanticкое razvitie konstruksii s glagolami dvizheniya v russkom yazyke XI–XVII vv. (na materiale konstruksii s glagolami s pristavkoi *do-*) // Voprosy slavyano-russkogo yazykoznanija. Rostov n/D, 1994. S. 84–94.

Tseitlin R.M. Leksika staroslavjanskogo yazyka: Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisei X–XI vv. M., 1977. 336 s.

Němec I. O slovanské předponě *po-* slovesné // Slavia. R. XXIII. Seš. I. Praha, 1954. S. 1–22.

Ljudmila V. Tabachenko (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Russian Prefix Innerverbal Word Formation in the Light of Indo-European Sources

Prefixes, like prepositions, trace back to the immutable words, close to adverbial - relational elements, which took an autonomous position

with respect to the verb, and to the name. Position and function of these words are associated by researchers with the transition from one structure of proto-indo-european syntactic core to the other: from OV to VO (where V - verb, O - object). When releasing the left valence verb relational elements became preverbs. By their functions they approached to the first part of a compound word, which served as the spatial specifier. In the early period of the Proto-Slavic local prefixes were labeled as statal and directive verbs. Within the semantic fusion of root with prefix there is a transition from the semantic agglutination to fusion, that was a consequence of the development of all prefixes the meanings of saturatedness and performance. This led, in particular, to the disappearance of spatial positional verbs prefixes because the statal bases contradicted the spatial ultimacy of prefixes: *обстояти городъ* – stand around the city. The appeared meanings of ultimacy and resultiveness of prefixes, became, on the one hand, one of the sources of the category of the species, on the other – the basis for the development of modification and mutation types of word-formation. These lines of development of innervbal prefix word formation in the history of the Slavic, and the Russian in particular, languages would be impossible without the appearance of tracing back to PIE relational elements adverbial prepositions, without increasing their role in the development of free prepositional-case forms.

Key words: *Proto-Indo-European language, verbal prefixes, the history of the Russian language.*

Lyudmila V. Tabachenko – Ph. D. of philology, professor of common and comparison linguistics. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: 8-951-513-15-87; e-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru